

Илария Алетто

Велимир Хлебников — ‘поэт с историей’ и ‘без истории’

Velimir Khlebnikov: A “Poet with” and “without History”

The autobiographical writings by Velimir Khlebnikov are often regarded as less important than his poetry, because of their fragmentariness. On the contrary, they are not only a fundamental source on his life, but also a sort of manifesto on literature. Through Marina Tsvetaeva’s approach - as illustrated in the essay ‘Poets with History and Poets without History’, this article is devoted to the connections between Khlebnikov’s biography and his art (*tvorchestvo*).

Tsvetaeva’s distinction between poets ‘with history’ and ‘without history’ is in fact appropriate to but also reductive of Khlebnikov, as he resists all labels. Khlebnikov could be described as both ‘an arrow’ and ‘a circle’, the terms Tsvetaeva adopts in her graphic representation of the direction of poets with and without history.

Пусть на могильной плите прочтут: он боролся с видом и сорвал с себя его тягу. Он не видел различия между человеческим видом и животными видами и стоял за распространение на благородные животные виды заповеди и ее действия “люби ближнего, как самого себя” [...]. Он высоко поднял стяг галилейской любви, и тень стяга упала на многие благородные животные виды [...]. Он вдохновенно грезил быть пророком и великим толмачом князь-ткани, и

только ее. [...] Он грезил об отдаленном будущем, о земляном коме будущего, и мечты его были вдохновенные, когда он сравнивал землю с степным зверьком, перебегающим от кустика до кустика. Он нашел истинную классификацию наук, он связал время с пространством, он создал геометрию чисел (Хлебников 1987: 577).

В этой эпитафии 1904 года, составленной девятнадцатилетним Велимиром Хлебниковым, который говорит о себе в третьем лице и в про-

шедшем времени, уже явно проявляются черты автобиографизма. Цитата красноречива, поскольку обнажает исходную экзистенциальную установку и суть хлебниковского проекта в жизни, искусстве, публицистике. Провозглашая борьбу индивидуума с родом¹, он экстенсивно трактует вторую библейскую заповедь о любви к ближнему и мечтает о мире, которым правят любовь и гармония, в котором время слито с пространством и царит геометрия чисел. Срывание с себя бремени вида — принципиальный отказ подчиняться какой бы то ни было детерминации, парадоксально сочетающийся с императивом быть “толмачом князь-ткани”, то есть — с преобразованием себя в голос имперсонального, сверхчеловеческого, провиденциального.

Хотя на связь биографии с творчеством, столь присущую Будетлянину, обращали внимание многие исследователи, тем не менее, это взаимоот-

ношение часто оставалось нераскрытым. До публикации обобщающей книги С. Старкиной (Старкина 2005; 2007) мы, по сути, очень мало знали о его жизни и воссоздавали портрет художника из разрозненных свидетельств его современников. Эти сведения, безусловно, важны, однако для ‘правильного’ понимания еще большее значение должен иметь личный миф (художественно переосмысленная биография) Хлебникова, а не детали его репутации или сложившегося позже культа.

Сам Хлебников оставил краткие сведения о себе: две заметки (*Автобиографическая заметка* 1914; 1920) и ответы на две анкеты (*Ответы на анкету С. А. Венгерова*, 1914; *Ответы на анкету Всероссийского Союза Поэтов*, 1922). В этих текстах автор не ограничился пересказом фактов и дат, а написал строки, обладающие, как подлинные автобиографии в понимании Баттистини (Battistini 2007: 16), “герменевтической ценностью” для доступа к его творчеству.

¹ Главная тема незаконченного прозаического произведения *Еня Воейков* (1906) — борьба с видом, то есть основной структурной единицей биологической систематики — позже у Хлебникова принимает новые акценты и формы (см. Старкина 2007: 31–36).

В упомянутой *Автобиографической заметке* 1914 г.² Хлебников акцентирует место своего рождения (“в стане монгольских исповедующих Будду кочевников [...] в степи [...]”), на перекрестке, не раз игравшем в истории России важную, судьбоносную роль (“принадлежу к месту Встречи Волги и Каспия-моря [...]). Оно не раз на протяжении веков держало в руке весы дел русских и колебало чаши” [Хлебников 1987: 641]). Очевидно, что в структуре личного мифа эта информация играет роль опорного элемента: метонимическая логика из принадлежности к месту, которое было эпицентром крупных исторических событий, выводит эпический масштаб личностного самосознания (личное отождествляется с

² Эта первая заметка более подробная. Вторая же (1920) содержит только указание на дату и (приблизительное) место рождения, но дает больше информации о публикациях. В двух анкетах, помимо собственно анкетных данных, Хлебников называет области своих исследований, объявляет, что обнаружил законы, управляющие последовательностью исторических событий, говорит, что размышлял о “возрождении языка”, “смягчении нравов” (Хлебников 1987: 642) и о занятиях “искусством будущего”, называя себя “будетлянином” (Хлебников 1987: 644).

национальным) и providенциальный характер творчества. Астраханские степи, кочевое окружение, перекрестье речных и караванных путей осмысляются как предназначение, персональная миссия по организации встречи Запада и Востока (см. Степанов 1975: 8).

Другой значимый момент — подчеркивание судьбоносности родословной. Хлебников чрезвычайно дорожит тем фактом, что в его жилах течет смешанная кровь армян и первооткрывателей земель, волжских ушкуйников, вольных казаков (“в моих жилах есть армянская кровь [Алабовы] и кровь запорожцев [Вербицкие], особая порода которых сказалась в том, что Пржевальский, Миклухо-Маклай и другие искатели земель были потомк<ами> птенцов Сечи” [Хлебников 1987: 641]). Эти сведения как будто задают рамки интерпретации его “номадической” поэтики (Соливетти, Марченко: в печати).

Внимание ученых неоднократно привлекала связь между поэтическим путем (и другими ментальными странствиями) Хлебникова и маршрутами его реальных перемещений. В заметке 1914

года он перечисляет этапы своего жизненного пути и связывает их с этапами поэтического развития (“Жил на Волге, Днепре, Неве, Москве, Горыни. Перейдя перешеек, соединяющий водоемы Волги и Лены, заставил несколько пригоршней воды проплыть вместо Каспийского моря в Ледовитое”). Р. Дуганов, исследователь и биограф Хлебникова, указывает, что “так поэтически осмыслял он свои природные и исторические корни” (Дуганов 1986: 11).

Как формулировка своего взгляда на язык (“Выступил с требованием очистить русский язык от сора иностранных слов”), так и перечисление первых произведений и достигнутых через них прозрений (“Напечатал: *О, расмейтесь, смехачи*; в 365±48 дал людям способы предвидеть будущее, нашел закон поколений; *Девий бог*, где населил светлыми тенями прошлое России; *Сельскую дружбу*, через законы быта люда прорубил окно в звезды.” [Хлебников 1987: 641]) придают заметке еще более явный характер литературного ‘манифеста’.

В целом можно сказать, что в автобиографических ма-

териалах Хлебникова проговариваются онтологические основания его самоидентификации как поэта и пророка, для которого жизнь совпадает с естественным вектором развития русского языка (нуждающегося в очистке “от сора иностранных слов” [Хлебников 1987: 641]) и соответствуют геополитической задаче создания материковой цивилизации.

Взаимодействие жизни и творчества (связь *автор – текст*) – одна из актуальных, активно обсуждаемых проблем литературоведения. Нам представляется, что при анализе этой связи применительно к Хлебникову стоит обратить внимание на мысли, которые изложены в эссе Марины Цветаевой *Поэты с историей и поэты без истории* (1933). Цветаева не посвятила никакого отдельного текста самому Хлебникову, однако в представлениях о миссии, да-ре, судьбе творца поэты поразительно близки³. Цветаева полагала, что для раскрытия

³ Неслучайно именно Цветаеву В. Григорьев выделяет по степени близости к хлебниковской манере работы со словом, говоря, что ее язык “во многом ‘по-хлебниковски’ напряжен в своей морфологической структуре” (Григорьев 2000: 227).

смысла поэзии критик должен обладать поэтическим мировосприятием и способностью откликаться на “внутренний суд вещи над собою”, опережая современников “на сто, а то и на триста лет” (Цветаева 1979: 226).

Цветаевский подход в целом соответствует исследованиям столь разных ученых, как Б. Томашевский и Ю. Лотман. При внимательном анализе мы обнаружим, что они оперируют сходными категориями. Б. Томашевский в статье *Литература и культура* (1923 г.) различает два разных типа писателей: “писатели с биографией” и “без биографии” (Томашевский 1923: 9). Уточняя, что “своим созданиям поэт предпосылал не реальную-послужную свою биографию, а свою идеальную биографическую легенду” (Томашевский 1923: 8), Томашевский сузил область литературоведческих исследований до “творимой автором легенды его жизни”, поскольку “для воссоздания той психологической среды, которая окружала эти произведения” нужен только “литературный факт” (Томашевский 1923: 8-9). Ю. Лотман использует то же определение (“человек с биографией” и “без

биографии”), говоря о том, что проблема соотношения текста и личности автора разрешима через обнаружение историко-культурного кода. “Право на биографию” имеет только человек, который “реализует не рутинную, среднюю норму поведения, обычную для данного времени и социума, а некоторую трудную и необычную, ‘странную’ для других и требующую от него величайших усилий [...]”. Так возникают культурные амплуа юродивого [...] героя, колдуна [...]” (Лотман 1992: 366-367).

Проблема житнетворческой стратегии и потребность в мифологизации собственной биографии виделись Хлебникову и Цветаевой, в первую очередь, как необходимое условие для творчества. В эссе *Поэт о критике* (1926) Цветаева отказывается в признании критику, игнорирующему хронологию творчества поэта, не видящему связи текстов и поступков (см.: Цветаева 1979: 224). Иначе говоря, их автобиографии – это не красивые легенды для публики (и уж давно – не документальная хроника), а то, благодаря чему их разрозненные произведения и даже эпизоды внелитературной жизни

охватываются общим вдохновляющим смыслом. В случае Хлебникова конфликт между биографией (жизнь, увиденная глазами других) и автобиографией грозил перерасти в хроническое непонимание⁴. И действительно, большинство воспоминаний, подчеркивающих эксцентричность Хлебникова, превратилось в анекдоты и легенды. Культ Хлебникова в группе близких ему футуристов (“поэт для производителя”, как определял его В. Маяковский [Маяковский 1959: 23], пророк и безумец), с одной стороны, затрудняет доступ к автобиографическому мифу поэта, а с другой – является его порождением. По словам К. Жогиной, это противоречивое сочетание является характерным для поэтов, прошедших литературную инициацию в кругу символистов и, в частности, для Цветаевой (см. Жогина 2005: 62–63).

В житнетворчестве и образе жизни Цветаевой и Хлебникова есть немало общего: концепция поэта как пророка, обреченного на одиночество; заумность, непонятность,

афористичность, парадоксальность поэтического языка; восприятие творчества как стихии, порыва; противопоставление себя общественному порядку и мнению. Но главное — это сходство в понимании того, чем является ‘Я’ поэта. И тот, и другой решительно отвергали расхожее представление, будто между человеческим и поэтическим ‘Я’ можно поставить знак равенства, уличив поэта в стихотворной переплавке его биографических ситуаций. Человеческое ‘Я’ — то, что в человеке “скрыто и закопано”, а в стихах — “открыто и выражено” (Цветаева 1980: 425).

Для Цветаевой главной метафорой, передающей суть “поэтов с историей”, является “образ стрелы, пущенной в бесконечность” (Цветаева 1980: 426), в то время как путь “поэтов без истории” передает геометрия “круга”. Первых ведет закон самооткрывания: “Они открывают себя через все явления, которые встречают на пути, в каждом новом шаге и каждой новой встрече” (Цветаева 1980: 426).

“Номадическая стратегия” Хлебникова (Соливетти, Марченко: в печати) заключалась

⁴ Об этой опасности точно писал в 1928 году Ю.Н. Тынянов (см. Тынянов 1968: 29).

в непрерывной переработке биографических событий и превращении их в “эстетически переживаемые факты” (Шкловский 1926: 4). Представляется допустимым усмотреть в “стреле” Цветаевой своего рода отклик на “стрелочников” Будетлянина – проводников в общество будущего (“Как стрелочники / У встречных путей Прошлого и Будущего, / [...] Мы, как рабочие-зодчие, / Идем особой дорогой, к общей цели.” [Хлебников 1987: 613]). “Стрелочники”, то есть “творяне”, от всех прочих отличаются тем, что их путь задан только логикой их саморазвития, а не компромиссами с социальной средой. Платой за это оказывается одиночество. Но подлинного поэта подобная ноша не тяготит. Хлебников с готовностью называл себя “дервишем, йогом, марсианином” (Хлебников 1972: 310), “одиноким лицедеем” и “вечерним странником”, которого “свободы ветер двигал”, а он “никем не видим” (Хлебников 1987: 166-167). О том же писала Цветаева, характеризуя “поэтов с историей”: их путь – это “самопознание души через видимый мир. [...] Их опыт накапливается как бы сам собой и скла-

дывается где-то сзади, подобно ноше за спиной, которая никогда не давит на плечи. На ношу ведь не оборачиваешься. [...] Поэты с историей [...] не оборачиваются на себя, им некогда – только вперед! [...] Одиночество таких пешеходов!” (Цветаева 1980: 426–427).

‘Номадизм’ Хлебникова выражался как физически (бродяжничество по разным городам и странам – Россия, Украина, Персия...), так и ментально – в поэтических, спиритуальных, историософских странствиях по русскому и восточному мирам с их религиями, мифами, божествами, пророками и легендарными персонажами. Внимание к искусству сочеталось у него с изучением математики, философии, физики, астрономии, а также с увлечением религиями (исламом, индуизмом и буддизмом), европейскими и азиатскими мифологиями, фольклором географически удаленных друг от друга народов. В произведениях Будетлянина на одной странице соседствуют Тиен и Ункулункулу, Юнона и Велес, Аллах и Бодхисаттва, Магомет и Вишну, Заратустра и Шанкара, Мамай и Стенька Разин, Гайавата и Искандер, Лоба-

чевский и Эйнштейн, Дарвин и Ницше. Каждое имя – шифр нового интеллектуального опыта, знак встречи с неведомым, метка, обозначающая сдвиг в самоидентификации.

Произведения “Короля времени Велимира I” (Хлебников 1987: 603) всегда проникнуты движением, полетом, стремлением вперед и вверх. Как пишет В. Григорьев, динамизм во всех его проявлениях – характеристика Хлебникова, и она выражается и в его словотворчестве, и в самом языке его произведений. Настоящее пиршество движения” – говорит Григорьев (Григорьев 1999: 419) о *Море и Ладомире* (1920–1921). В этих и в других произведениях удивительно часто встречаются глаголы движения и особенно глагол ‘летать’. “Лети, созвездье человечье, / Всё дальше, далее в простор” (Хлебников 1985: 8), призывает Хлебников в *Ладомире* и называет людей домов будущего “летунами” (Хлебников 1987: 595). Показательно, что в *Мы и дома* (1915) Хлебников говорит о будущем, используя глаголы “в имперфекте” (если опереться на терминологию А.М. Рипеллино [Ripellino 1968: XLII]), то есть в хлебниковском тексте

фигурируют глаголы в форме прошедшего времени несовершенного вида (например: “Как они одевались?”, “вечно ходили”, “курилась смола” [Хлебников 1987: 596], “здания служили мосту”, “замки стояли” [Хлебников 1987: 597], “она ставилась на поезд”, “Строились остоны городов” [Хлебников 1987: 598]), поскольку “будущее уже произошло” (Ripellino 1968: XLII). Кстати, Хлебников также называет будущих жителей мобильных домов “цыганами XX века” (Хлебников 1987: 601).

Возможно, что определение и неявная отсылка к судьбе Хлебникова стоит за цветевскими словами о “поэте с историей”: “Дело в неисчислимости минут, в бесконечности задач, в бессмертности Колумбовых сил в нем. [...] А дорога ведет в бесконечность. А тени растут. И нет предела ни силам, ни пути!” (Цветаева 1980: 427)⁵.

Хлебниковский “голод пространства” (Хлебников 1940: 106) и его внутренний императив дальновидения (рассмотрения вещей, людей,

⁵ Напомним, что Маяковский назвал Хлебникова “Колумбом новых поэтических материков” (Маяковский 1959: 23).

текстов и событий в максимально широком, даже бесконечном контексте) созвучны цветаевскому девизу “Смотри дальше!” (Цветаева 1980: 435).

Установка на постоянный выход из границ прежнего самого себя не является самоотрицанием и не ведет к бесконечной смене авторских масок. Говоря от имени различных литературных персонажей, соотнося свое *alter ego* с реальными историческими фигурами или мифологическими героями, поэт становится “утысачеренным человеком” (Цветаева 1979: 228). Перевоплощаясь, вживаясь в других, он их включает в пространство своего поэтического универсума и, следовательно, делает частью самого себя. Эта череда самотрансформаций для поэта абсолютно ничем не ограничена. Изнутри своего автобиографического мифа Хлебников находит связь с Разиным (и историческую, и обнаруженную путем языковой игры), предстает как для публики, так и для самого себя то мудрецом Зангези, то лесным язычником, то Гуль-Муллой или дервишем-урусом. Более того, его способность проникновения в толщу бытия

распространяется как на живые, так и на неживые объекты. Тема для “поэтов с историей” — это “повод для рождения нового себя, которое не всегда человеческое. Весь их земной путь — череда перевоплощений и не всегда в человека: в камень, цветок, созвездие. Они словно вобрали в себя все дни творения” (Цветаева 1980: 427).

По размаху воображения и по культурно-историческим горизонтам Хлебникову трудно сыскать равных. Он постоянно сопоставляет себя с континентами, Россией, миром, вселенной. Отождествляя свое тело с земным шаром, Хлебников читает его как карту, и, обновляя привычное для архаичных цивилизаций сопоставление тела и города, сравнивает части тела с храмами, памятниками, зданиями, реками, материками (см. Ripellino 1968: XC).

Величие “поэтов с историей”, добавляет Цветаева, в том, что им “тесно в своем ‘я’”, и “они так расширяют это ‘я’, что ничего от него не оставляют, оно просто сливается с краем горизонта. [...] Человеческое ‘я’ становится ‘я’ страны — народа — данного континента — столетия — тысячелетия — небесного сво-

да...” (Цветаева 1980: 427); “для ‘поэтов с историей’ нет посторонних тем, они сознательные участники мира. Их ‘я’ равно миру. От человеческого до вселенского” (Цветаева 1980: 430)⁶.

И действительно в тексте *Я и Россия* (1921) поэт, даря “солнце народам Меня”, приравнивает себя к России, которая “тысячам тысяч свободу дала” (Хлебников 1987: 149–150). В произведении *Утес из будущего* (1921–22) он призывает читателей “снять одежды – понежиться на морском песке [...]”. Не надо быть Аракчеевым по отношению к гражданам своего собственного тела. Не бойтесь лежать голым в море солнца. Разде-нем тело и наши города” (Хлебников 1987: 566).

Для Цветаевой, как позже и для Лотмана⁷, существенную роль в различении “поэтов с историей” и “поэтов без истории” играет понятие воли и выбора. Если “чистая лирика есть лишь запись наших снов

и ощущений” (Цветаева 1980: 428), выражение наших чувств и наших страданий, лишенное планов, целей, социального и морального выбора, то “поэт с историей” должен “решиться расстаться с самим собой”, “не только стать другим, но – именно таким”. Это “отказ от множества других видений и дел, непреложность выбора, жертва [...] – стремление к цели” (Цветаева 1980: 428), освоение любого возможного маршрута, любой области знания и воображения.

Но действительно ли Хлебников – ‘поэт с развитием’? Есть ли на самом деле в его ‘жизнетворчестве’ эволюция языка, желаний, целей? Цветаева пишет о “поэтах без истории”: “их душа и личность сложились еще в утробе матери. Им не нужно ничего узнавать, усваивать, постигать – они уже все знают отродясь. Они ни о чем не спрашивают – они только являют. [...] Они пришли в мир *не узнавать, а сказать*.” (Цветаева 1980: 429–430). Мы можем сказать о Хлебникове словами Цветаевой о Блоке: Хлебников тоже “исключение”, у него тоже были “и развитие, и история, и путь” (Цветаева 1980: 439). И для Будетлянина, наверное,

⁶ Это совпадает с тем, что Ж.-К. Ланн определяет как “холистическое ‘я’” (Lanne 1998: 152).

⁷ “Там, где для человека рутинной нормы нет выбора и, следовательно, нет поступка, для человека ‘с биографией’ возникает выбор, требующий действия, поступка” (Лотман 1992: 366).

противопоставление “поэт с историей” или “поэт без истории” становится слишком прямолинейным. Как пишет Цветаева, “безграничность и даже безличность гения [определяется] – отсутствием или просто невозможностью определения вообще. (Всякое определение, давая точный смысл, ограничено)” (Цветаева 1980: 430).

“Председатель земного шара” все знал, “отродясь”, и не случайно то, что, так как, по его признанию, место рождения является судьбоносным, идеи его ранней эпитафии совпадают с прозрениями последних его произведений. Об эпитафии-1904 Хлебникова можно сказать то, что Цветаева писала о поэтах без истории:

Но нет чистого лирика,
который бы уже в детстве
не дал себя, окончательного
себя, рокового себя, который
бы не явил всего себя в какой-нибудь
строфе [...], которая могла бы
стать эпитафией ко всему его
творчеству, формулой всей его
жизни. Первая строфа, которая
и могла быть и последней
(преджизненная, а могла

бы быть и предсмертной
надписью на надгробной плите)
(Цветаева 1980: 432).

Выступая в функции пророка и учителя, Хлебников в поэме *Ладомир* описывает создание утопического монолингвистического универсума, где “творяне”, заменив “дворян”, отменяют войны и реализуют через социально-духовную и коллективную революцию космический мир гармонии, справедливости, свободы, равенства всех живущих на земле (и людей, и животных), то есть то, что он писал в эпитафии. “Мысль – стрела. Чувство – круг” (Цветаева 1980: 431). Стрела Хлебникова описывает круг. Достаточно процитировать конец *Ладомира*:

Черти не мелом, а любовью,
Того, что будет, чертежи.
И рок, слетевший к изголовью,
Наклонит умный колос
ржи (Хлебников 1987: 293).

Упомянутая в этом отрывке *любовь* отсылает к “галилейской любви”, названной Хлебниковым в самом начале

пути в 1904 году “идеальным началом общественных отношений”, одним из основных принципов его творчества: “Он высоко поднял стяг галилейской любви, и тень стяга упала на многие благородные

животные виды” (Хлебников 1987: 577).

Библиография

Григорьев 1999: В. Григорьев, В. Хлебников: *Веха, двигава и путь // Логический анализ языка. Языки динамического мира*, Международный университет природы, общества и человека, Дубна, 1999, с. 413-422.

Григорьев 2000: В. Григорьев, *Словотворчество и смежные проблемы языка поэта // Будетлянин, Языки русской культуры*, Москва, 2000, с. 225-234.

Дуганов 1986: Р. Дуганов, *О Хлебникове // В. Хлебников, Стихотворения. Поэмы. Драмы. Проза*, Советская Россия, Москва, 1986, с. 3-28.

Жогина 2005: К. Жогина, *Знаковость поведения Марины Цветаевой // Л. Викулина, И. Вексель, И. Карпинская, Э. Красовская (ред.), Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой*, Дом-музей Марины Цветаевой, Москва, 2005, с. 55- 64.

Лотман 1992: Ю. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Избранные статьи в трех томах*, Т. 1, Александра, Таллин, 1992, с. 365-376.

Маяковский 1959: В. Маяковский, В. В. Хлебников, *Полное Собрание Сочинений: В 13 тт.*, Гослитиздат, Москва, 1959, Т. 12, с. 23-28.

Соливетти, Марченко: К. Соливетти, А. Марченко, *Номадизм Хлебникова*, "Russian Literature", в печати.

Старкина 2005: С. Старкина, *Велимир Хлебников. Король времени*, Вита-Нова, Санкт-Петербург, 2005.

Старкина 2007: С. Старкина, *Велимир Хлебников*, Молодая гвардия, Москва, 2007.

Степанов 1975: Н. Степанов, *Велимир Хлебников*, Советский писатель, Москва, 1975.

Томашевский 1923: Б. Томашевский, *Литература и биография*, «Книга и революция», 1923, IV, 28, с. 6-9.

Тынянов 1968: Ю. Тынянов, *О Хлебникове // В. Хлебников, Собрание сочинений, Т. I-V, 1928-1933*, репринт München, 1968-1972, Т. 3, с. 19-30.

Хлебников 1940: В. Хлебников, *Неизданные произведения*, Художественная Литература, Москва, 1940.

Хлебников 1972: В. Хлебников, *Собрание сочинений, Т. I-V, 1928-1933*, репринт München, 1968-1972, Т. 3.

Хлебников 1985: В. Хлебников, *Ладомир. Поэмы*, Современник, Москва, 1985.

Хлебников 1987: В. Хлебников, *Творения*, Советский писатель, Москва, 1987.

Цветаева 1979: М. Цветаева, *Поэт о критике* // *Избранная проза в двух томах (1917-1937)*, Russica Publishers, Inc., New York, Т. 1, с. 221-241.

Цветаева 1980: М. Цветаева, *Поэты с историей и поэты без истории* // *Сочинения в двух томах*, Художественная литература, Москва, 1980, Т. 2, с. 424-457.

Шкловский 1926: В. Шкловский, *Предисловие* // Д. Петровский, *Повесть о Хлебникове: воспоминания о Велимире Хлебникове*, Огонек, Москва, 1926, с. 3-4.

Battistini 2007: A. Battistini, *Lo specchio di Dedalo*, Il Mulino, Bologna, 2007.

Lanne 1998: J.-C. Lanne, *La représentation du "je" dans l'oeuvre de Velimir Xlebnikov*, «Revue des études slaves», 70, 70-1, 1998, pp. 151-161.

Ripellino 1968: A. M. Ripellino, *Tentativo di esplorazione del continente Chlébnikov* // *Poesie di Chlébnikov*, Einaudi, Torino, 1968, pp. VII-XCII.